

Ли Чэнжу все еще расслабленно сидел в повозке. В его глазах пылал гнев. Он жаждал отправиться на передовую. Он мечтал присоединиться к армии и страстно желал что-то сделать для людей. Но в одиночку он был бессилен! Он был таким отчаянным парнем, который не должен был присоединяться к беженцам. Если бы в столице узнали об этом, над ним безжалостно посмеялись бы.

Услышав слова Фэншэна, он выглянул из окна и огляделся. «Неужели это целая семья? Старик, дети, мужчины и женщины средних лет едят булочки и пьют воду. Их убогие повозки сколочены из некрашеного дерева и брезента. Они не выдержат ни зимних холодов, ни ливней, особенно если пойдет проливной дождь». Он цокнул языком.

«Бедолаги! Неужели они продержатся так полмесяца?»

Наконец, его взгляд упал на Е Сяосянь. Прислонившись к повозке, она с изяществом жевала булочку. Она поразительно отличалась от многих беженцев, чьи глаза обычно блуждали в смятении. В ней он не обнаружил ни намека на панику. Несмотря на хрупкое телосложение, она казалась решительной, бесстрашной и уверенной в себе. Она выглядела непобедимой, каким бы тяжелым ни было будущее. Для нее вареные булочки и несвареная вода не значили ничего, кроме очередного способа существования.

Ее скрытая сила поразила его. Он испытал такие же надежду и силу от той мягкой фигуры, ухаживавшей за ним той ночью. Но он тут же отдернул занавеску, запретив себе смотреть на нее. Чем дольше его глаза оставались на ней, тем мягче становилось его сердце. Было такое чувство, будто лед внутри него медленно таял.

...

В ту эпоху города часто располагались на большом расстоянии друг от друга. Чтобы добраться из одного города в другой, людям приходилось пересекать множество гор, деревень или городков. Деревни по пути бегства почти опустели. Узнав новости, люди присоединились к беженцам. Оставались лишь престарелые, немощные и калеки.

Когда стемнело, Е Сяосянь и ее семья наконец добрались до деревни, кишавшей людьми и озаренной огнями. Но когда они приблизились, то обнаружили, что это были беженцы, "разбившие лагерь" на пустыре. Хотя это и называлось лагерем, палаток там не было вовсе. Каждая семья просто сидела вокруг костра, чтобы согреться и приготовить что-нибудь на ужин.

Продолжать путь в темноте было слишком опасно, поэтому Е Сяосянь предложила отдохнуть здесь. Никто не возражал. Сяо Тешу и Сяо Тунжу совершенно вымотались, целый день таща телеги. Они хотели лишь тут же поваляться спать на траву, но Е Сяосянь и Ли Хунмэй остановили их, когда они уже расстелили две циновки на земле. Затем Е Сяосянь попросила детей собрать неподалеку хворост. Однако все дрова уже были подобраны другими людьми. Пришлось идти дальше.

Пока она размышляла в нерешительности, она услышала чей-то крик:

— Малышка Е! Малышка Е!

Обернувшись, она увидела Лю Цяньцянь и ее семью, сидящих у пылающего костра. В этой местности было мало деревень. До следующей могло быть далеко, поэтому они просто заночевали здесь.

— Отчего вы так запоздали? Мы здесь уже больше двух часов, — спросила Лю Цяньцянь.

Е Сяосянь с улыбкой ответила:

— Вы слишком быстры с повозками. Нам же приходится тянуть телеги.

— Но вы все равно нас догнали! Лишь бы мы шли одной дорогой - рано или поздно встретимся, — с оптимизмом отозвалась Лю Цяньцянь.

Но Е Сяосянь криво усмехнулась:

— Да. Но теперь вокруг не осталось хвороста. Вечером будет холодно без дров.

— Идите на юго-запад, — тут же посоветовала Лю Цяньцянь. — Там два пустых дома, и если повезет, вы найдете там хворост. Вот откуда мы взяли свои дрова.

Выслушав ее, Е Сяосянь решила отправиться туда с Сяо Баофэном и Сяо Баочэнем в темноте.

В деревне царила полная тишина, лишь одно или два окна были освещены. Они крались бесшумно, опасаясь нарушить молчание. В теории люди могли отдохнуть в этих пустующих домах, чьи хозяева ушли, но никто этого не делал. Они опасались, что дома пропитаны зловещей аурой или отравлены крысиным ядом. Хотя владельцы и покинули их, они лелеяли надежду когда-нибудь вернуться. Чтобы защитить жилища от крыс и чужаков, они могли рассыпать яд по всем углам. По этой же причине Ли Хунмэй разбросала жидкий навоз по двору и дому Е Сяосянь. Е Сяосянь надеялась, что хозяева простят им сбор хвороста.

Через некоторое время трио обнаружило дома. Однако места были окутаны такой зловещей тишиной, что дети не осмеливались войти, опасаясь, что выскочат какие-нибудь призраки из их фантазий. Е Сяосянь тоже испугалась, но ей отчаянно требовались дрова. Поэтому она собрала волю в кулак и толкнула дверь одного из домов. Едва она коснулась ее, как дверь сама распахнулась. Дети испугались и принялись плакать. Е Сяосянь тоже невольно вскрикнула.

Когда они уже собирались бежать, кто-то изнутри спросил:

— Госпожа Е?

Фэншэн?

Е Сяосянь, уже было направившаяся прочь, замерла на месте.

«Что он здесь делает?»

Она оглянулась и увидела красивое лицо Фэншэна, залитое луной.

Держа охапку дров, он спросил:

— Вам нужны дрова? Можете взять мои.

Протянув ей хворост, он позволил Сяо Баофэну забрать его. При бережном расходе этого было достаточно для того, чтобы костер горел всю ночь.

Е Сяосянь поблагодарила его, прежде чем уйти. Она знала, что ученик боевых искусств обладает сверхъестественным ночным зрением, подобно Сяо Баошаню. Поэтому она не беспокоилась, что в темноте Фэншэн может столкнуться с опасностью.

...

Когда они вернулись к околице деревни, остальные члены семьи безвольно валялись на циновках или траве. Особенно старик Сяо громко жаловался на голод и усталость. Он утверждал, что если бы знал, какой тяжелой будет дорога, то лучше бы дождался смерти на родине.

Сначала Сяо Тешу пытался утешить этого брюзгу, но вскоре ему самому это прискучило, и он оставил попытки. Измученные Ван Мудань и Чень Цзюй попросту не обращали внимания на его ворчание. Хотя в родных краях эти две женщины казались свирепыми, теперь они вели себя абсолютно покорно перед Е Сяосянь - единственным спокойным и разумным человеком в их компании.

Когда Е Сяосянь вернулась, она велела им развести костер и вскипятить воду из близлежащей реки. Затем она достала булочки, по две на человека. Заточив с дюжину палочек, она нанизала на них булочки и смазала их маслом. Она раздала каждому по связке и позволила испечь их на огне.

Чудесным образом, усталость будто смыло с их лиц. Особенно с детских. Хотя долгая дорога и вымотала их, взрослые оберегали их. А теперь они даже могли как бы поучаствовать в пикнике, что лишь распаляло их восторг.

Когда разгорелся еще один костер, Е Сяосянь велела Ван и Чень установить котелок. Затем она высыпала в кипяток немного риса и приготовила кашу. Пока остальные жарили на огне булочки, их манил аппетитный аромат. Одни ели плотную пищу, другие - кашу, но никто не

пробовал еще печеных булочек. Их соблазнительный запах привлекал всеобщее внимание.

Даже взгляд Ли Чэнжу был прикован к булочкам. Фэншэн приготовил для него много твердой пищи, в том числе печеные лепешки и вареные булочки, но ничего более. Он только что съел две жесткие и холодные лепешки, которые с трудом тянули на "еду" с его точки зрения.

После того как Фэншэн развел костер, Ли Чэнжу тоже попытался испечь булочку. Однако она мгновенно подгорела, хотя он и не понял, отчего. Затем он осознал, что Е Сяосянь смазала булочки маслом. К сожалению, у него самого масла не было. Он с угрюмым видом выбросил это жалкое подобие еды и обратил взор на кашу Е Сяосянь.

Когда вода выкипела, из котелка повалил манящий аромат риса. Но Е Сяосянь настаивала на том, чтобы они подождали, пока каша не сгустится.

Ли Чэнжу тоже захотелось ее отведать, но у них не было котелка. Он не мог не упрекнуть Фэншэна за его невнимательность. Если бы они взяли с собой хоть котелок, а не только плотную еду!

...

Когда Е Сяосянь разлила кашу по мискам, Ли Хунмэй толкнула ее локтем и прошептала:

— Малышка Е, Ли Чэнжу не сводит с нас глаз.

Е Сяосянь оглянулась в указанном направлении и встретила взглядом с Ли Чэнжу. Точнее, он пожирал глазами кашу в ее миске. Она могла это понять. Путешествие утомило и иссушило всех, так что в этот момент не могло быть ничего лучше теплой каши. В этом убедился старик Сяо. Он вопил о жареном рисе и картошке, но теперь смотрел на кашу с тихим вожделением.

Она сказала:

— Мама, хворост нам отдал Фэншэн. Может, позволим Баофэну отнести им по две миски каши? В конце концов, у нас ее достаточно.

Ли Хунмэй поразмыслила и согласилась:

— Хорошо. Путь тяжок для всех. Быть может, после этой ночи мы больше не встретимся. Было бы неплохо оставить им хорошее впечатление.